

Я просто не хочу оставаться в доме того, за кем когда-то ухаживал. Разве в этом есть ошибка? Я боюсь, что, если буду слишком часто смотреть на него, возьму нож и убью его. А тогда брата рядом не будет, и некому будет за меня заступиться. Чу Лэ, хоть и ненавидит Лян Есяня, хоть и считает его, блядь, отвратительным, всё же понимает: сейчас он явно не соперник этой сволочи.

— Старик, ты говоришь чушь. Ты что, считаешь меня мелким ребенком? Я не играю в эти детские игрушки.

— Ты во всем похож на мелкого ребенка, — ответил старик. — Да еще и капризного.

Однако, будучи слугой, старик не стал высказывать свои истинные мысли. Вместо этого он ухмыльнулся:

— Молодой господин Чу, я ошибся, ты вырос.

Чу Лэ подумал: «Почему-то возникает странное желание разозлиться».

— Кстати, где Лян Есянь?

Сегодня Чу Лэ почти не видел Лян Есяня.

«Я всего лишь садовник, откуда мне знать, где молодой господин?»

Чу Лэ внимательно посмотрел на выражение лица старика и понял, что в нем нет никаких скрытых эмоций. Ладно, Чу Лэ понял, что старик ничего не знает.

— Пойду спрошу у других.

В конце концов, Чу Лэ добрался до гостиной и успешно узнал, где находится Лян Есянь.

Ответ был таков: к Лян Есяню пришел милый малыш, и он без колебаний бросил Чу Лэ.

И этим малышом была та самая женщина, на которой Лян Есянь женился в прошлой жизни.

Услышав эту новость, Чу Лэ скривил губы. Он думал, что познакомился с Лян Есянем первым, что любил его десять лет, а теперь проиграл, даже не поняв как. Только сейчас он выяснил, что эта сволочь давно уже тайно встречалась со своей любовницей.

Действительно, сволочь остается сволочью в любом возрасте.

Хотя Чу Лэ и не хотел видеть Лян Есяня, он все же решил, что лучше поскорее пережить это отвращение, и отправился на поиски. Ему все равно нужно было полагаться на Лян Есяня, чтобы вернуться домой. Эх, если бы не этот возраст, Чу Лэ бы сразу же пошел и поругался со своим отцом — ты что, считаешь меня медведем, что дал мне снотворное? Черт, неужели я тебе не родной сын?

На самом деле, Чу Лэ действительно был родным сыном Чу Му, и только родной сын мог так обращаться с собственным ребенком. Если бы это был чужой сын... хм...

В прошлой жизни Лян Есянь женился на очень красивой женщине, которая всегда говорила таким нежным голосом, что вызывала у мужчин желание защищать ее. На самом деле, эта женщина была совершенно другой внутри. Думаешь, она белый лотос? На самом деле, у нее черная душа.

Когда Лян Есянь работал, она без колебаний тратила его деньги на свою семью, и это едва не разрушило его бизнес. Но Лян Есянь любил такие вещи, он говорил, что Фу Илянь добра и заботится о своей семье — настоящий мазохист!

Именно из-за такого поведения Фу Илянь и ее презрительного взгляда на Лян Есяня Чу Лэ всегда питал надежды... Теперь он понимает, что был настоящим дураком.

В этой жизни Чу Лэ больше не будет мешать этим двоим быть вместе. Они идеальная пара! Он уверен, что в будущем они будут «счастливы» всю жизнь!

Чу Лэ нашел этих двоих на крыше виллы. В этот момент Лян Есянь с радостью показывал Фу Илянь окружающие здания.

Лян Есянь, увидев Чу Лэ, радостно поприветствовал его:

— Лэ Лэ, иди скорей, я нашел тебе приятеля, вы можете поиграть вместе.

Маленькая девочка с очень красивым лицом, распущенными волосами, большими глазами и двойными веками тут же протянула руку Чу Лэ:

— Привет, Чу Лэ, меня зовут Фу Илянь, очень рада познакомиться.

Кому рада? Знакомство с тобой не принесет радости ни мне, ни моей семье!

— Кого ты называешь братом? Малышка! Ты что, не училась в школе? Не различаешь старшинство?

Чу Лэ без зазрения совести проявил невежливость.

Улыбка Фу Илянь слегка дрогнула:

— Тогда... Чу Лэ, старший брат, привет, рада познакомиться.

— Кого ты называешь старшим братом? Я не знаю, когда мой отец завел внебрачную дочь!

Чу Лэ снова «проявил невежливость».

— Ты... — Фу Илянь с обидой отдернула руку. — Почему ты такой невежливый!

Лян Есянь немного смутился:

— Лэ Лэ, зачем ты так говоришь об Илянь? Ты старше, ты брат.

— Ты что, псих? Не понимаешь по-человечески? Я сказал — у меня нет сестры. Ладно, отправляй меня домой, мне здесь совсем не нравится. Комната какая-то мрачная, я даже подозреваю, что в ней кто-то умер.

Лян Есянь скривил губы:

— Как это возможно, дом построен всего несколько лет назад.

— О... значит, построен всего несколько лет назад, поэтому здесь совсем нет человеческого тепла, мне здесь некомфортно.

Лян Есянь подумал: «... Значит, тебе всё не нравится?»

— Лян Есянь, брат, не ругай его, хоть он и обидел меня, но мне всё равно, — жалобно посмотрела на Лян Есяня Фу Илянь.

Чу Лэ подумал: «Я её обидел? Я её обидел?». Очевидно, Чу Лэ еще не осознал, что его тон действительно был грубым, и со многих точек зрения он действительно обидел маленькую девочку. Но что с того? Хм, даже если бы он осознал, ему было бы все равно.

В этой жизни Чу Лэ хочет жить только для себя. Те, кто его ненавидят, те, кто его презирают, ему все равно, если только они его не любят. Если бы он действительно заботился об этой сволочи, то он был бы настоящим дураком. Он не дурак, он считает себя умным. Ну... конечно, если не считать тех глупостей, которые он совершил в прошлой жизни.

Но у каждого в жизни есть свои пятна, главное, чтобы он не жил так, как в прошлой жизни. Этого ему достаточно.

Лян Есянь вздохнул с видом сожаления:

— Лэ Лэ, так нельзя, тебе нужно изменить свой характер. Из-за этого ты можешь пострадать.

Слова Лян Есяня были искренними, его голос был полон заботы, а выражение лица — беспокойства, брови были сведены. Незнающий человек мог бы подумать, что он какой-то великий верный министр, готовый броситься на смерть, чтобы уговорить императора. Его беспокойное выражение лица было просто... идеальным.

— Ладно, если я и пострадаю, то это к тебе не имеет отношения. Отправляй меня домой, здесь скучно, транспорт плохой, до автобусной остановки идти полдня. Я хочу домой.

— Лэ Лэ, мы же вчера говорили. Твой отец поручил тебя мне. К тому же, дома сейчас никого нет, небезопасно.

— А слуги дома — не люди?

Лян Есянь резко нахмурился:

— Нет!

— Черт, если так пойдет, я пожалуюсь брату!

Видя, что слова не действуют, Чу Лэ решил пригрозить своим старшим братом, как настоящий ребенок, который еще не отвык от материнской груди.

— Я должен тебе сказать: нельзя на всё полагаться на брата. Если будешь на всё полагаться на него, не вырастешь.

Лян Есянь говорил очень серьезно и мягко, мягко до такой степени, что хотелось крикнуть: «Ты что, баба?!»

— Чу Лэ, кто твой брат?

— Кто мой брат — не твое собачье дело! Не лезь не в свои дела!

«...»

Лян Есянь молчал, но по его выражению лица можно было понять, что он полностью согласен с Чу Лэ. Возможно, это связано с тем, что время, проведенное со старшим братом, не было для него таким уж приятным.

Фу Илянь посмотрела на Лян Есяня и поняла, что он не собирается заступаться за нее. Быстро убрав свое жалобное выражение лица, она подумала: «Он даже не хочет за меня заступиться, зачем мне тогда тратить силы?»

<http://bllate.org/book/16873/1555133>